

Петров Игорь Георгиевич

ОДЕЖДА ПОКОЙНИКА И СВЯЗАННЫЕ С НЕЙ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ У ЧУВАШЕЙ

Одежда, как наиболее семиотизированная подсистема предметного кода культуры, выполняет широкий круг функций. В этот перечень входит и ритуальная функция, когда одежда становится инструментом, средством и объектом различных магических практик. В настоящей статье на примере погребального обряда чувашей рассматриваются некоторые представления, связанные с одеждой покойника, и обусловленные этими представлениями ритуальные действия. В основу работы положены литературные и архивные источники, а также материалы полевых этнографических исследований автора.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/5-1/38.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (55): в 2-х ч. Ч. I. С. 138-141. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

УДК 394

Исторические науки и археология

Одежда, как наиболее семиотизированная подсистема предметного кода культуры, выполняет широкий круг функций. В этот перечень входит и ритуальная функция, когда одежда становится инструментом, средством и объектом различных магических практик. В настоящей статье на примере погребального обряда чувашей рассматриваются некоторые представления, связанные с одеждой покойника, и обусловленные этими представлениями ритуальные действия. В основу работы положены литературные и архивные источники, а также материалы полевых этнографических исследований автора.

Ключевые слова и фразы: смерть человека; погребение; обращение с умершим; обычаи, связанные со смертью и похоронами; одежда; чуваш.

Петров Игорь Георгиевич, к.и.н.

Институт этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева

Уфимского научного центра Российской академии наук

ipetrov62@yandex.ru

ОДЕЖДА ПОКОЙНИКА И СВЯЗАННЫЕ С НЕЙ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ У ЧУВАШЕЙ[©]

Похоронно-поминальная обрядность, «как совокупность религиозных обрядов, относящихся к умершим» [55, с. 155], представляет чрезвычайно богатый историко-этнографический источник, позволяющий изучать многие стороны быта и культуры чувашей и их этнокультурные контакты с другими народами. Ритуалы, связанные со смертью человека, своими корнями уходят в толщу тысячелетий и имеют прямое отношение к древнейшим религиозно-магическим верованиям и представлениям. Важную роль в организации этих обрядов играли бытовые вещи, в том числе предметы одежды. Включаясь в обрядовое действо, они привносили в него дополнительную информацию о сути совершаемых религиозных и магических действий, усиливали их чувственное восприятие и выступали в качестве ясных и понятных для всех знаков и символов.

Похоронно-поминальным обрядам чувашей посвящена обширная этнографическая литература. Первые краткие сведения об этих обрядах появились в XVIII в. в трудах Ф. И. Страленберга [14; 65], Г. Ф. Миллера [29], П. С. Палласа [38], И. Г. Георги [5] и др. В них содержатся сведения о местоположении кладбищ, устройстве гробов, ориентации захоронений, представлениях чувашей о загробной жизни, погребальных ритуалах и поминках. Подробное описание погребального обряда чувашей последней четверти XVIII в. приводится в этнографическом очерке К. С. Мильковича [30].

В XIX – начале XX в., в связи со становлением в России этнографической науки, исследования по данной теме еще более активизировались и пополнились новыми работами. В это время на свет появились как обзорные, так и специальные, историко-этнографические исследования. К первой группе относятся работы М. Лаптева [27], М. Мостовского [61], А. Ф. Риттиха [28], В. Н. Майнова [24], Н. А. Спасского [51], ко второй – А. Фуке [58], В. П. Вишневого [4], В. А. Сбоева [47; 48], С. Тимрясова [54], П. М. Мальхова [25], В. К. Магницкого [23], В. Я. Смелова [50], Н. Т. Каменского [13], А. В. Рекеева [40–42], Ф. Виноградова [3], К. П. Прокопьева [39], Ф. Н. Никифорова [36], Г. И. Комиссарова [20], С. И. Руденко [44], Н. В. Никольского [37] и др.

После Октябрьской революции погребальные обряды чувашей изучались не только в контексте описания и конкретизации, но и сравнительно-исторического освещения и анализа. В советской историко-этнографической литературе погребальные обычаи и обряды чувашей рассматривались в трудах Н. И. Ашмарина [1; 2], П. В. Денисова [7], В. Д. Димитриева [8], М. Я. Сироткина, Л. А. Иванова [12; 49], Г. Е. Кудряшова [21; 22].

В последние десятилетия эти вопросы получили развитие в трудах Б. В. Каховского [15–19], В. Г. Родионова [43], А. А. Трофимова [57], А. К. Салмина [45; 46; 56], Е. А. Ягафовой [62–64], Г. М. Матвеева [26] и др. Отдельные аспекты чувашского погребального обряда в сравнении с аналогичным ритуалом финно-угорских народов Волго-Камья на археологическом и этнографическом материалах показаны также в работах Г. И. Дроздовой [9–11], Н. И. Шутовой [59; 60], А. А. Степановой [52; 53].

В настоящей статье ставится цель показать традиционные представления чувашей, связанные с одеждой покойника, а также некоторые обычаи и обряды, обусловленные этими воззрениями. В основу работы положены литературные источники по теме, архивные документы, а также материалы полевых этнографических исследований.

Одним из устойчивых представлений касательно одевания покойника у чувашей было отношение к нему, как к опасному объекту, контакт с которым был нежелательным. Особенно вредоносной считалась нательная одежда, в которой человек скончался. Такая одежда на чувашском языке называется по-разному, но самым распространенным является термин «чун тухнă кĕпи», «чун тухнă чухнехи кĕпе» – досл. «платье, в котором покойник испустил дух». По народным верованиям, такая одежда несла в себе потенциальную опасность. Поэтому ее, как правило, не снимали, а разрывали. Объяснялось это тем, что она имела непосредственный контакт с телом умершего и на ней имелась печать духа смерти. В других случаях такая необходимость обуславливалась

стремлением родственников облегчить предсмертные агонии умирающего, чтобы уходящая из тела душа на своем пути не встречала никаких преград. Для этого родственники слегка рвали ворот рубахи покойника в области груди либо разрывали ее пополам по всей длине. С целью облегчения выхода души из тела человека чувашки прибегали и к другим магическим действиям: починали бочку пива [23, с. 159; 39, с. 215], для выманивания души играли на волынке [45, с. 284], открывали дверь, окно, заслонку печи и т.д.

При разрывании рубахи на покойнике руководствовались и практическими соображениями: «чтобы с умершего удобно было снимать одежду» [35, л. 248], «так поступают из-за того, что ноги и руки покойного затвердевают» [Там же, л. 13-14]. Однако снимали такую одежду всегда через ноги [39, с. 221], то есть не как с живого человека. Здесь мы видим подчеркнутое противопоставление мертвого живым людям, потому что покойника от одежды освобождают неестественным образом. Не случайно В. Димитриев в своем этнографическом сочинении, посвященном описанию похоронных обычаев чувашей в с. Средние Алгаши Симбирской губернии в начале XX в., записал: «Рубашку снимают с покойника через ноги, это опять потому, что человек теперь не тот. Вообще все продельвается не как с живым человеком, а наоборот» [32, л. 22; 56, с. 50].

После этого вещи умершего: посуда, постель, одежда, выносились за пределы жилища. По представлениям чувашей, на них имелись невидимые следы крови человека и они несли в себе элемент «нечистоты», представляющего опасность: «...это делается потому что, по поверью чуваш, к умирающему человеку, невидимо для глаз человеческих, является с косой на руках *Эсрель* (дух смерти), который, надрезая косой, расчленяет все суставы человека; в это время кровь умирающего, невидимо для глаз, может брызнуть и осквернить имеющиеся в комнате вещи» [39, с. 218-219]. Поэтому нательную одежду покойника выносили на улицу и оставляли около ворот, а затем относили в овраг [33, л. 9 об.], на перекресток дорог [32, л. 519; 39, с. 230] или «в поле, куда-нибудь в определенное место» [33, л. 9]. Вместе с одеждой туда чувашки выбрасывали стружки и щепки, оставшиеся после изготовления гроба, луб и солому, на которых обмывали покойника. В других местностях одежду, снятую с покойника, клали на днище гроба, закапывали в могильной яме под гробом, оставляли на могиле, сжигали в костре в пределах усадьбы или в поле за пределами селения.

Остальную одежду покойника, которой он пользовался при жизни, оставляли дома. Однако в соответствии с обычаем ее необходимо было подвергнуть символическому очищению, т.е. стирке. Как только гроб уносили на кладбище, женщины-чувашки в доме мыли не только пол, окна, стены (иногда до семи венцов), потолок, мебель, но и приступали к стирке одежды умершего. Одежду умершего, как правило, стирали на реке в проточной воде. До места стирки и обратно в целях предосторожности одежду несли на палках [39, с. 222]. С помощью этих же палок производились стирка и полоскание [34, л. 138].

Однако не во всех случаях одежда покойника воспринималась в качестве опасной составляющей, от которой необходимо было избавляться. Бывали и исключения, когда одежду покойника после стирки специально оставляли в качестве оберега или его символического заместителя. Так, в селениях некрещеных чувашей Закамья (с. Клементейкино) и Заволжья (с. Старое Афонькино) одежда, снятая с покойника, использовалась исключительно как средство защиты жилища от пожара. Для этого одежду покойника после стирки высушивали, собирали в узел и вешали под крышей дома на стропилах около дымохода (ПМА. Етрянанова; Рыбакова). Кроме этого одежда покойника выступала в качестве амулета. Как нам поведала С. С. Михайлова (1927 г.р.) из с. Клементейкино Альметьевского района Республики Татарстан, от платья своей матери по совету старожиллов она отрезала небольшие кусочки и пришила их на исподнюю часть своего одеяния и одеяния остальных членов семьи. По словам информатора они надежно защищают человека от злых сил и иных опасностей (ПМА. Михайлова). В с. Старое Ганькино Похвистневского района Самарской области одежду покойника также стирали, высушивали, а потом разрезали на маленькие кусочки и раздавали родственникам умершего, и в первую очередь близким членам семьи (ПМА. Елина). С таким же смысловым подтекстом одежда покойника использовалась при отправлении в дальнюю дорогу и поездке на судебное разбирательство. Если вдруг наступали такие обстоятельства, чувашки брали с собой целое одеяние покойника или его кусочек и верили, что, благодаря этому, обретают мощную и действенную защиту (ПМА. Серендеева). Такие же представления были свойственны другим народам Поволжья, например, марийцам. По исследованиям Т. Л. Молотовой, марийцы верили, что «если надеть такую одежду на суд, то якобы такого человека не могли осудить» [31, с. 49].

Таким образом, в обрядовых действиях магического характера с одеждой покойника у чувашей одновременно присутствуют два диаметрально противоположных мотива. С одной стороны, от одежды покойника старались как можно быстрее избавиться, а с другой – ее оставляли в качестве оберега или амулета. Если первая мотивация была обусловлена боязнью живых перед покойником и отторжением всего того, что было с ним связано, то вторая была обусловлена стремлением заручиться у покойника защитой и покровительством. Такие же представления имеют место в похоронно-поминальной обрядности других народов [6, с. 67], что свидетельствует об их универсальности, обусловленных общей сутью и содержанием погребального ритуала.

Список литературы

1. Ашмарин Н. И. Отголоски золотоордынской старины в народных верованиях чуваш. Казань: Северо-Восточ. археолог. и этнограф. ин-т, 1921. 36 с.
2. Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Казань – Чебоксары, 1928-1950. Вып. 1-17.
3. Виноградов Ф. Следы язычества в домашнем обиходе чуваш. Симбирск: Губ. тип., 1897. 18 с.
4. Вишневский В. П. О религиозных поверьях чуваш. Казань: Казан. губ. вед., 1846. 25 с.

5. **Георги И. Г.** Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1799. Ч. 1. 76 с.
6. **Дворников Э. П.** Мировоззренческие основы отношения к умершему по археологическим и этнографическим данным (по материалам сибирских культур) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (41). Ч. 2. С. 66-68.
7. **Денисов П. В.** Религиозные верования чуваш: ист.-этногр. очерки. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1959. 408 с.
8. **Димитриев В. Д.** История Чувашии XVIII века (до крестьянской войны 1773-1775 годов). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1959. 532 с.
9. **Дроздова Г. И.** О некоторых особенностях погребального обряда местного населения Поволжья и Прикамья // Из истории материальной культуры татарского народа. Казань: Ин-т языка, лит-ры и искусства Каз. фил. АН СССР, 1981. С. 16-43.
10. **Дроздова Г. И.** О специфике погребальной обрядности населения Среднего Поволжья в XVI-XVIII вв. // Узловые проблемы современного финно-угроведения: мат-лы I Всерос. науч. конф. финно-угроведов. Йошкар-Ола: Мар. пол. изд. ком., 1995. С. 25-28.
11. **Дроздова Г. И.** Погребальный обряд народов Волго-Камья в XVI-XVIII вв. по археологическим и этнографическим материалам: дисс. ... к.и.н. Казань, 2007. 307 с.
12. **Иванов Л. А.** Языческие надгробия на чувашских погребениях // Ученые записки. Чебоксары: Чуваш. науч.-исслед. ин-т, 1969. Вып. 47. История, этнография, социология. С. 253-258.
13. **Каменский Н. Т.** Современные остатки языческих обрядов и религиозных верований у чуваш. Казань: Казан. епархия, 1910. 38 с.
14. **Катанов Н. Ф.** Швед Филипп-Иоганн Страленберг и труд его о России и Сибири (начало XVIII века) // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Казань, 1903. Т. 19. Вып. 2. С. 170-174.
15. **Каховский Б. В.** Дохристианский погребальный обряд чувашей как материал к этногенезу // Болгары и чуваш. Чебоксары: Чуваш. науч.-исслед. ин-т, 1984. С. 121-139.
16. **Каховский Б. В.** О некоторых параллелях погребального обряда волжских болгар и чувашского языческого населения // Труды Чувашского научно-исследовательского института. Чебоксары: Чуваш. науч.-исслед. ин-т, 1979. Вып. 93. Вопросы истории Чувашии периода феодализма и капитализма. С. 101-108.
17. **Каховский Б. В.** Погребальный обряд чувашского языческого населения // Современные социальные и этнические процессы в Чувашской АССР. Чебоксары: Чуваш. науч.-исслед. ин-т, 1978. С. 118-146.
18. **Каховский Б. В.** Раскопки Тегешевского могильника // Труды Чувашского научно-исследовательского института. Чебоксары: Чувашский науч.-исслед. ин-т, 1980. Вып. 80. Исследования по археологии Чувашии. С. 129-151.
19. **Каховский Б. В.** Сходства в погребальных обрядах чувашей и венгров // Этнология религии чувашей. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2003. Вып. 1. С. 5-15.
20. **Комиссаров Г. И.** Чуваш. Казанского Заволжья // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Казань, 1911. Т. 27. Вып. 5. С. 311-421.
21. **Кудряшов Г. Е.** Динамика полисинкретической религиозности. Опыт историко-этнографического и конкретно-социологического исследования генезиса, эволюции и отмирания религиозных пережитков чувашей. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1974. 355 с.
22. **Кудряшов Г. Е.** Пережитки религиозных верований чуваш и их преодоление. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1961. 164 с.
23. **Магницкий В. К.** Материалы к объяснению старой чувашской веры: собр. в некоторых местностях Казанской губернии. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1881. 266 с.
24. **Майнов В. Н.** Иногородцы Среднего Поволжья // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. М.: Т-во М. О. Вольф, 1901. Т. 8. Среднее Поволжье и Приуральский край. Ч. 1. Среднее Поволжье. С. 57-118.
25. **Мальхов П. М.** Симбирские чуваш и поэзия их. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1877. 39 с.
26. **Матвеев Г. М.** Мифологическая картина мира этноса (на примере мифов и языческой религии чувашского народа). Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2012. 392 с.
27. **Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Казанская губерния** / сост. М. Лаптев. СПб.: Военная типография, 1861. 634 с.
28. **Материалы для этнографии России** / сост. А. Ф. Риттих. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1870. XIV: Казанская губерния. Ч. 1. 115 с.
29. **Миллер Г. Ф.** Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко-то: черемис, чуваш, вотяков с показанием их жительства, политического учреждения, телесных и душевных дарований, какое платье носят, от чего и чем питаются, о их торгах и промыслах... СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1791. 101 с.
30. **Милюков К. С.** О чувашах: этнографический очерк неизвестного автора XVIII столетия / предисл. В. К. Магницкого. Казань: Тип. губ. правления, 1888. 35 с.
31. **Молотова Т. Л.** Концепция «картины мира» у марийцев (анализ традиционных взглядов на рождение и смерть) // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы. М., 2003. Вып. 29. С. 34-61.
32. **Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН).** Отд. I. Ф. Н. И. Ашмарина. Ед. хр. 21.
33. **НА ЧГИГН.** Отд. I. Ф. Н. В. Никольского. Ед. хр. 172.
34. **НА ЧГИГН.** Отд. I. Ф. Н. В. Никольского. Ед. хр. 243.
35. **НА ЧГИГН.** Отд. I. Ф. Н. В. Никольского. Ед. хр. 247.
36. **Никифоров Ф. Н.** Стюхинские чуваш. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1905. 26 с.
37. **Никольский Н. В.** Краткий конспект по этнографии чуваш // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Казань, 1911. Т. 26. Вып. 6. С. 511-624.
38. **Паллас П. С.** Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1773. Ч. 1. 657 с.

39. Прокопьев К. П. Похороны и поминки у чуваш // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Казань, 1903. Т. 19. Вып. 5-6. С. 215-250.
40. Рекеев А. В. Из чувашских преданий и верований. Казань: Имп. ун-т, 1896. II. 5 с.
41. Рекеев А. В. Из чувашских преданий и верований. Казань: Имп. ун-т, 1896. III. 9 с.
42. Рекеев А. В. Из чувашских преданий и верований. Казань: Имп. ун-т, 1897. IV. Жертвоприношения и моления чуваш. 15 с.
43. Родионов В. Г. О системе чувашских языческих обрядов // Чувашская народная поэзия. Чебоксары: Чуваш. науч.-исслед. ин-т, 1990. С. 3-64.
44. Руденко С. И. Чувашские надгробные памятники // Материалы по этнографии России. СПб.: Гос. Рус. музей, 1910. Т. 1. С. 81-88.
45. Салмин А. К. Система религии чувашей. СПб.: Наука, 2007. 654 с.
46. Салмин А. К. Традиционные обряды и верования чувашей. СПб.: Наука, 2010. 240 с.
47. Сбоев В. А. Исследования об инородцах Казанской губернии. Заметки о чувашах. Казань: Изд-во книгопродавца Дубровина, 1856. 188 с.
48. Сбоев В. А. Чуваша в бытовом, историческом и религиозном отношениях. Их происхождение, язык, обряды, поверья, предания и пр. М.: Тип. С. Орлова, 1865. 188 с.
49. Сироткин М. Я., Иванов Л. А. Народные и семейные обычаи и праздники // Чуваша: этнографическое исследование. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1970. Ч. 2. Духовная культура. С. 78-92.
50. Смелов В. Я. Нечто о чувашских языческих верованиях и обычаях // Известия по Казанской епархии. 1880. № 20. С. 528-543.
51. Спаский Н. А. Очерки по родоисведению: Казанская губерния. Казань: Имп. ун-т, 1912. 376 с.
52. Степанова А. А. Религиозно-культурные связи чувашей и марийцев по материалам языческих похоронно-поминальных обрядов (XVI – начало XX вв.): дисс. ... к.и.н. Саранск, 2003. 369 с.
53. Степанова А. А. Чувашско-марийские этнокультурные параллели в период позднего средневековья (по археологическим и этнографическим данным об украшениях) // Вопросы археологии и этнографии Чувашии. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2000. С. 51-64.
54. Тимрясов С. Похороны и поминки у чуваш-язычников дер. Ишалкиной Чистопольского уезда Саврушского прихода // Известия по Казанской епархии. 1876. № 9. С. 269-274.
55. Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие. М.: Наука, 1964. 399 с.
56. Традиционная культура чувашей: тексты (материалы Научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук) / подг. к изд. А. К. Салмин. СПб.: Филолог. фак. С.-Петербург. гос. ун-та, 2014. 358 с.
57. Трофимов А. А. Чувашская народная культовая скульптура. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. 238 с.
58. Фукс А. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань: Казан. ун-т, 1840. 329 с.
59. Шутова Н. И. Погребальная обрядность финноязычных народов Среднего Поволжья и Приуралья XVI-XIX вв. // Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1992. Вып. 21. С. 83-97.
60. Шутова Н. И. Погребальный обряд удмуртов XVI-XIX вв. // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН, 1991. С. 4-34.
61. Этнографические очерки России: учебное пособие / сост. М. Мостовский. М.: Университет. тип., 1874. 152 с.
62. Ягафова Е. А. Самарские чуваша: историко-этнографические очерки. Самара: ИЭКА «Поволжье», 1998. 368 с.
63. Ягафова Е. А. Чуваша Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII – начало XX вв.). Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2007. 530 с.
64. Ягафова Е. А. Чувашское язычество в XVIII – начале XX века. Самара: Изд-во Самарского гос. пед. ун-та, 2007. 128 с.
65. Strahlenberg F. J. von. Das Nord- und ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm: In Verlegung des Autoris, 1730. 438 S.

Полевые материалы автора

1. Елина Валентина Николаевна, 1959 г.р., с. Старое Ганькино Похвистневского района Самарской области, записи 2014 г.
2. Етрянанова Ольга Туймулловна, 1932 г.р., с. Старое Афонькино Шенталинского района Самарской области, записи 2014 г.
3. Михайлова Сайреби Семендеевна, 1927 г.р., с. Клементейкино Альметьевского района Республики Татарстан, записи 2014 г.
4. Рыбакова Роза Васильевна, 1949 г.р., с. Старое Афонькино Шенталинского района Самарской области, записи 2014 г.
5. Серендеева Александра Семендеевна, 1935 г.р., с. Старое Ганькино Похвистневского района Самарской области, записи 2014 г.

CLOTHES OF THE DECEASED AND THE CHUVASH PEOPLE'S IDEAS RELATED TO THEM

Petrov Igor' Georgievich, Ph. D. in History

Institute of Ethnological Studies named after R. G. Kuzev of Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
ipetrov62@yandex.ru

Clothes, as the most semiotized subsystem of culture object code, perform a wide range of functions. This list includes a ritual function when clothes become a tool, a means and an object of various magical practices. The article by the example of the funeral rite of the Chuvash people discusses some of the beliefs related to the clothes of the deceased and ritual actions conditioned by these ideas. The study is based on literary and archival sources, as well as the materials of the author's ethnographic field research.

Key words and phrases: human's death; burial; treatment of deceased; customs related to death and funeral; clothes; the Chuvash people.